

РЕАНИМАТОЛОГ.

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

ОДНА
ОШИБКА
МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬ
ВСЁ

КОГДА
ВИРУС
БЛИЖЕ,
ЧЕМ ТЫ
ДУМАЕШЬ

ИЗОЛЯЦИЯ

ВХОД ТОЛЬКО
В ЗАЩИТЕ



ПРАВДА
ВСЕГДА НАЙДЕТСЯ

Руслан Куликов

Реаниматолог. Нулевой пациент

<https://litres.ru/74506223>

SelfPub; 2026

Аннотация

Февраль 2026 года. Реаниматолог Андрей Воронцов умирает от инфаркта в коридоре собственной больницы, в двадцати метрах от дефибриллятора.

И просыпается в октябре 2019-го. Посреди реанимации.

Жена, которую он потерял в ковидном ноябре, жарит на кухне сырники. Наставник, умерший одним из первых, курит на больничном крыльце. Младший брат гоняет на пустыре гоночные дроны и смеётся: «Кому нужна граната на игрушке?»

До Уханя два с половиной месяца. Андрей помнит всё: даты, протоколы, ошибки, которые стоили тысяч жизней. И то, что будет после пандемии.

Он заводит анонимный канал «Нулевой пациент», и каждый его прогноз сбывается. Коллеги крутят пальцем у виска, жена перестаёт узнавать мужа, а человек в сером пальто вежливо интересуется, откуда он знает будущее.

Но будущее не любит, когда его меняют.

Содержание

Глава 1. Последняя смена	4
Глава 2. Разряд	9
Глава 3. Лена	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Руслан Куликов

Реаниматолог.

Нулевой пациент

Глава 1. Последняя смена

Февраль 2026 года

— Асистолия.

Слово повисло в реанимационном зале, как запах хлорки: привычное, въевшееся, почти незаметное.

— Продолжаем, — сказал я. — Адреналин, миллиграмм. Сменились на компрессиях.

Ординатор Никитин, бледный парень с красными от недосыпа глазами, отступил от каталки, и его место занял медбрат Рустам. Он давил на грудину размеренно, по-взрослому, вкладывая вес всего тела. Хорошие руки. Я таких видел мало.

На каталке лежал мужчина лет шестидесяти. Привезли с улицы: упал у подъезда, соседка вызвала скорую. Бригада запустила его в машине, а у нас он снова ушёл. Фамилия — Кравцов. Имя я не запомнил. За двадцать два года практики я перестал запоминать имена. Не из цинизма, просто в голове однажды кончилось место.

— Две минуты, — сказала медсестра Галя, глядя на часы.

— Стоп. Ритм.

На мониторе поползла мелкая, рваная, как кардиограмма землетрясения, линия.

— Фибрилляция. Заряжаем двести. Все отошли.

— Отошли! — эхом повторил Никитин.

— Разряд.

Тело дёрнулось. Я смотрел на экран и чувствовал, как где-то под лопаткой у меня самого медленно проворачивается тупой ржавый ключ. Третий раз за ночь. Я списал его на то, что сорок пятый год таскаю на себе чужие жизни, и на то, что последние сутки пил только кофе из автомата.

Синусовый ритм. Неровный, слабый, но свой.

— Есть пульс на сонной, — сказал Рустам.

— Хорошо. Очень хорошо. Переводим на ИВЛ, давление держим, кардиологов на связь.

Никитин выдохнул так, будто это его самого вернули.

— Андрей Павлович, — сказал он, когда мы стягивали перчатки, — а вы вообще когда-нибудь боитесь?

— Боюсь, — честно сказал я. — Каждый раз.

— Не видно.

— Это и есть профессия, Саша. Бояться так, чтобы не было видно.

Он кивнул, хотя ничего не понял. Ничего, поймёт лет через десять. Если не сбежит в эстетическую медицину, как половина его курса.

Я вышел в коридор. Там пахло лекарствами, мокрыми бахилами и гречкой из буфета. Над дверью ординаторской мигала лампа, которую завхоз обещал заменить с позапрошлой весны. На подоконнике стояла икона, кем-то принесённая ещё в двадцатом, и рядом с ней — фотография Семёныча в чёрной рамке. Фотографию так никто и не убрал.

Виктор Семёнович Гаранин. Анестезиолог от бога, матерщинник, курильщик, человек, который научил меня всему, что я умею. Умер в апреле двадцатого, одним из первых в городе. Мы тогда ещё не знали, как их лечить. Мы тогда вообще ничего не знали.

Я остановился напротив рамки. Вот так и живёшь: вроде бы шесть лет прошло, а каждый раз проходишь мимо — и останавливаешься.

— Не спи, Палыч, — сказал бы он. — Спать будешь на пенсии. Или в морге. Что раньше случится.

Ключ под лопаткой повернулся ещё раз. Сильнее.

В ординаторской я сел на продавленный диван и достал телефон. Экран показал 4:17 и новостную ленту. Очередная атака беспилотников на соседнюю область, аэропорт снова закрыт, «жертв нет». Я пролистнул. Потом открыл галерею и, как делал почти каждую ночь, нашёл одну фотографию.

Лена. Лето девятнадцатого, дача её родителей, она в дурацкой соломенной шляпе смеётся, отмахиваясь от объектива. Рядом Соня, ещё мелкая, с облупленным носом.

Лена была медсестрой в инфекционной больнице. Когда

пришёл ковид, она не ушла. Я просил, я орал, я один раз даже разбил чашку об стену — она всё равно не ушла. В ноябре двадцатого у неё поднялась температура. Через девять дней я сам ставил ей трубку в трахею, потому что не мог позволить сделать это никому другому. Через три недели её не стало.

Соня теперь училась в Питере и звонила по воскресеньям. Мы разговаривали вежливо, как хорошие знакомые. Иногда мне казалось, что она так и не простила мне ту трубку. Иногда — что я сам себе её не простил.

А потом был Костя. Младший брат, весёлый балбес-программист, который ещё в девятнадцатом гонял на пустыре свои гоночные квадрокоптеры и мечтал сделать из хобби бизнес. Мечта сбылась. Только не так, как он хотел. Костю я похоронил в двадцать четвёртом. Гроб был закрытый.

Шесть лет. Шесть лет я смотрел, как мир летит под откос, и каждый раз узнавал об очередном повороте из новостей, как и все. Каждый раз думал: если бы знать заранее. Хоть на месяц. Хоть на неделю.

Ключ под лопаткой провернулся до упора, и в грудь хлынул жар.

Я знал, что это. Я двадцать два года смотрел на это со стороны. Давящая боль, отдающая в левую руку и челюсть, холодный пот, ощущение, что на грудь поставили бетонную плиту. Классика. Можно в учебник.

Я попытался встать. Ноги не слушались. Телефон выскользнул из пальцев и шлёпнулся на пол экраном вниз.

— Галя, — сказал я. Вышло шёпотом.

Смешно. Реаниматолог умирает от инфаркта в ординаторской реанимации, в двадцати метрах от дефибриллятора. Семёныч бы оценил.

Дверь открылась. Кто-то закричал. Кто-то — кажется, Никитин — упал рядом на колени, и я почувствовал, как на грудь легли его ладони. Неправильно легли, слишком высоко. Я хотел поправить. Не смог.

— Андрей Палыч! Андрей Палыч, слышите меня?!

Слышу, Саша. Ниже руки. На нижнюю треть грудины. И не сгибай локти.

— Дефибриллятор сюда! Быстро!

Мир сужался до светлого пятна над головой. Лампа. Та самая, мигающая. Надо же, они меня в коридор вытащили. Правильно, там места больше.

— Фибрилляция! Заряжаем!

Я подумал о Лене в соломенной шляпе. О Косте с его квадрокоптерами. О Семёныче, который всегда говорил, что смерть — это просто очень плохой диагноз, с которым не повезло поспорить.

Если бы знать заранее.

— Разряд!

Удар прошёл сквозь меня, как молния сквозь дерево, и мир погас.

Глава 2. Разряд

Октябрь 2019 года

— ...Андрей Палыч! Разряд давать?

Я стоял.

Это было первое, что я понял: я стою, а не лежу. Ноги упираются в кафель, руки сцеплены в замок, и я качаю чью-то грудную клетку. Раз, два, три, четыре. Тело помнило ритм лучше, чем голова.

— Андрей Палыч!

Я поднял глаза.

Напротив, у дефибриллятора, стоял Виктор Семёнович Гаранин. Живой. В зелёной хирургической шапочке, из-под которой торчали седые вихры, с вечной щетиной и мятой маской на подбородке. Он смотрел на меня с раздражением человека, которому третий раз задают один и тот же вопрос.

— Ты уснул, что ли? Фибрилляция, говорю. Даём?

Я не мог ответить. Горло свело.

Семёныч. Живой. Тёплый. Злой.

— Даём, — выдавил я. — Все отошли.

— Отошли!

Разряд. Тело на каталке выгнулось. Я перевёл взгляд на пациента и тут меня накрыло во второй раз, сильнее первого.

Я знал этого парня.

Лет двадцати, худой, с татуировкой в виде якоря на плече.

Мотоциклист. Привезли после ДТП с переломами рёбер и бедра. В приёмном ему ставили подключичный катетер, потом начались проблемы с дыханием, давление упало, остановка. Мы качали его сорок минут. Он умер.

Я помнил это, потому что это был один из тех случаев, которые приходят ночью. На вскрытии нашли напряжённый пневмоторакс слева. Игла при установке катетера задела лёгкое, воздух накапливался в плевральной полости, сдавливал сердце, а мы в суете списали всё на травму и не увидели. Одна игла во второе межреберье — и парень был бы жив. Я потом неделю не мог спать. Семёныч тогда сказал: «Андрюха, каждый из нас носит своё кладбище. Главное — не переселяйся туда сам».

Октябрь две тысячи девятнадцатого.

— Асистолия, — сказала медсестра. Молоденькая, я не сразу вспомнил её имя. Оля. Оля Смирнова, которая потом уехала в Германию.

— Трахея смещена вправо? — спросил я, и собственный голос показался чужим.

— Что?

Я уже был у головы пациента. Трахея действительно уходила вправо. Левая половина груди не поднималась при вдохе мешком. Вены на шее вздулись, как канаты.

— Напряжённый пневмоторакс слева. Иглу. Четырнадцатый калибр, быстро!

Семёныч посмотрел на меня, на шею парня, на грудь —

и выматерился так, что Оля покраснела. Через секунду игла была у меня в руке. Второе межреберье, среднеключичная линия, по верхнему краю ребра.

Воздух вышел с тонким свистом, как из проколотого мяча.

— Качаем. Две минуты. Адреналин.

Мы качали. Я отсчитывал про себя секунды и не молился, потому что никогда не умел. Просто повторял: не в этот раз. Не в этот раз. Не в этот раз.

— Стоп. Ритм.

На мониторе появились зубцы. Широкие, неуклюжие, но настоящие.

— Пульс есть, — сказал Семёныч, прижав два пальца к сонной артерии. — Слабенький, но есть.

Кто-то за моей спиной выдохнул. Кажется, я сам.

— Дренаж, — сказал я. — Зовите хирургов, пусть ставят нормальный дренаж по Бюлау. Рентген грудной клетки. И катетер этот проверьте, откуда он вообще взялся с такой установкой.

Дальше пошла обычная суeta, в которой мне не было места, и я вышел в коридор.

Коридор был другим.

Нет, тем же самым, но другим. На стенах светлая краска, которую в двадцать первом перекрасят в унылый бежевый. На подоконнике нет иконы. Лампа над ординаторской горит ровно, не мигает. Пахнет гречкой из буфета и хлоркой, и ещё

почему-то мандаринами.

Я дошёл до туалета, закрыл за собой дверь и посмотрел в зеркало.

На меня смотрел мужик лет под сорок. Тёмные волосы, седина только на висках, а не на всей голове. Лицо моложе, морщин меньше, под глазами нет тех мешков, которые в двадцать шестом уже не уходили даже после отпуска. На подбородке не было шрама — я его заработаю в двадцать втором, поскользнувшись на льду у приёстного.

Я вытащил телефон из кармана халата. Старый, с треснувшим уголком экрана. Я его разбил в декабре девятнадцатого, а потом полгода ходил с трещиной, потому что всё не было времени купить новый.

Экран показал: 14 октября 2019 года. 03:52.

Я сел на крышку унитаза. Потом встал. Потом снова сел.

Варианты были такие. Первый: я лежу в коридоре своей больницы в феврале двадцать шестого, мой мозг умирает от гипоксии, и всё это — предсмертная галлюцинация. Очень подробная. С мандаринами. Второй: я сошёл с ума. Третий — и его я отбрасывал до последнего, потому что он был невозможен, — всё это происходит на самом деле.

Врачей учат действовать при неполной информации. Если не можешь поставить диагноз, лечи то, что убьёт быстрее всего. Если это галлюцинация — в ней можно спасти парня с якорем на плече. Если это безумие — хуже уже не станет. А если это правда...

Если это правда, то до Уханя два с половиной месяца. До первых больных у нас — чуть больше трёх. До апреля, когда умрёт Семёныч, — полгода.

До ноября двадцатого, когда заболит Лена, — год и месяц.

В дверь постучали.

— Андрюха, ты там живой? — голос Семёныча. — Слушай, как ты этот пневмоторакс увидел? Я вот сорок лет в профессии, и хоть убей — не увидел.

Я открыл дверь. Он стоял в коридоре, помятый, небритый, настоящий, и хлопал себя по карманам в поисках сигарет.

— Интуиция, — сказал я.

— Интуиция, — фыркнул он. — Интуиция, Андрюха, это опыт, который ещё не успел себя осознать. Пошли покурим.

— Я не курю.

— Так и я бросаю. Пошли постоишь.

Мы вышли на крыльцо. Октябрьский воздух был холодным и сырым, над больничным двором висела рыжая от фонарей морось. Семёныч щёлкнул зажигалкой, затянулся и прищурился на меня.

— Ты чего на меня так смотришь? Будто призрака увидел. Я отвёл глаза.

— Устал просто.

— Ну-ну.

Он курил, а я стоял рядом и слушал, как он дышит. Хрип-

ловато, с лёгким присвистом на выдохе. Курильщик с сорокалетним стажем, гипертоник, диабет второго типа, лишний вес. Все факторы риска, которые только есть в учебнике. Первый в очереди.

Не в этот раз, подумал я. Слышишь, старый? Не в этот раз.

Глава 3. Лена

Смена закончилась в восемь. Я переоделся, вышел за ворота и понял, что не помню, где стоит моя машина.

Потом вспомнил: в девятнадцатом у меня ещё была старая серебристая «Октавия», которую в двадцать первом я продам, чтобы оплатить Соне репетиторов. Она ждала на своём месте у забора, с жёлтым кленовым листом на лобовом стекле. Ключ от неё лежал в кармане куртки. Тело знало. Голова отставала.

Я ехал по городу и не узнавал его. Вернее, узнавал слишком хорошо. Вот кофейня, которая закроется весной двадцатого и больше не откроется. Вот торговый центр, где в двадцать втором половина магазинов будет стоять с опущенными решётками. Вот рекламный щит, обещающий «Отдых в Европе — от 19 900!». Люди на остановках без масок. Люди в метро без масок. Никто ни о чём не знает.

Меня накрыло ощущением, которого я не могу описать до сих пор. Как будто идёшь по городу, который уже однажды сгорел, а жители этого ещё не заметили.

Дом был тот же, девятиэтажка на Садовой. Лифт тот же, с исцарапанной ключами надписью «Катя + Дима». Дверь та же. Я долго стоял перед ней с ключом в руке, не решаясь вставить его в замок.

За дверью звякнула посуда. Запахло сырниками.

Лена всегда жарила сырники, когда я приходил со смены. Говорила, что после ночи человеку нужно что-то тёплое и сладкое, иначе он становится злым. После её смерти я ни разу не ел сырников. Не мог.

Я открыл дверь.

— Андрюш? — крикнула она из кухни. — Ты рано. Мои руки, всё готово. Соня! Соня, я кому сказала, опоздаешь!

Я разулся. Прошёл по коридору. Остановился в дверях кухни.

Она стояла у плиты спиной ко мне, в старой растянутой футболке с надписью «Анапа-2015», и переворачивала сырники лопаткой. Волосы собраны в небрежный хвост. Тонкая шея. Маленькая родинка за левым ухом.

Живая.

Она обернулась.

— Ты чего застыл? Тяжёлая ночь?

Я подошёл и обнял её. Молча. Уткнулся лицом в её волосы и стоял так, пока не почувствовал, что она перестала смеяться.

— Андрей, — сказала она тихо. — Что случилось?

— Ничего.

— Ты меня сейчас задушишь.

— Прости.

Я не отпускал. Она пахла сырниками, шампунем и чуть-чуть больницей — этот запах не выветривается никогда, сколько ни стирай. Под моими ладонями было тёплое, жи-

вое, настоящее. Не то, что я помнил. Не восковое лицо под маской кислородного аппарата. Не цифры на мониторе, ползущие вниз. Не холодная рука в моей руке в палате, куда меня пустили в последний раз, в защитном костюме, через двойной слой перчаток, так что я даже не почувствовал её кожу.

— Андрюш, у меня сырники горят.

Я отпустил её. Она внимательно посмотрела мне в лицо, как смотрят на пациента с неясной симптоматикой.

— Кто-то умер? — спросила она.

— Наоборот. Одного парня откачали. Который должен был умереть.

— Ну так это же хорошо.

— Это очень хорошо, — сказал я. — Это просто отлично.

Она покачала головой и вернулась к сковородке. А я услышал топот в коридоре, и на кухню влетела Соня. Двенадцать лет, рюкзак на одном плече, один носок розовый, другой серый. Облупленный после лета нос. Та самая девочка с фотографии.

— Пап, привет, пока, — выпалила она, схватила с тарелки сырник и сунула в рот целиком.

— Соня, сядь нормально поешь.

— Мам, я опаздываю! У нас контрольная по алгебре!

— Сонь, — сказал я.

Она обернулась уже в дверях, жуя, с набитыми щеками.

— М?

Я смотрел на неё и видел другую Соню. Двадцатилетнюю, коротко стриженную, с усталым взрослым лицом, которая говорит со мной по воскресеньям вежливо и отстранённо. Которая на похоронах матери не плакала и не подошла ко мне, а потом, через полгода, сказала: «Ты же врач. Ты же должен был её спасти».

— Удачи на контрольной, — сказал я.

— Пап, ты какой-то странный, — сказала она и убежала. Хлопнула дверь.

Я сел за стол. Лена поставила передо мной тарелку, налила чай и села напротив, подперев щёку рукой.

— Ешь, — сказала она. — А потом спать. Ты выглядишь так, будто тебя самого откачивали.

Я чуть не рассмеялся. Сдержался.

Сырники были такие же, как всегда. Чуть пригоревшие с одного бока, с изюмом, который я не любил, но никогда ей в этом не признавался. Я съел три штуки и понял, что больше не могу, потому что горло снова свело.

— Лен, — сказал я. — Тебе в инфекционке нравится?

Она удивлённо подняла бровь.

— С чего вдруг?

— Просто спрашиваю.

— Нравится, — пожала она плечами. — Коллектив хороший. Зарплата не очень, но где она очень. А что?

— Ты не думала уйти? Куда-нибудь... в поликлинику. В частную клинику. Там спокойнее.

— Андрей, — она прищурилась. — Ты мне это третий раз за год предлагаешь. Я тебе третий раз говорю: мне нравится моя работа. Я не хочу мерить давление бабушкам и продавать капельницы с витаминами. Всё?

Третий раз за год. Значит, и в прошлой жизни я уже начал этот разговор. Задолго до ковида. Просто так, от смутного беспокойства, от того, что жена работает с инфекциями. И она каждый раз отвечала одно и то же.

И в ноябре двадцатого тоже ответила одно и то же.

— Всё, — сказал я.

Она собрала тарелки и ушла на работу. Дверь закрылась. В квартире стало тихо.

Я прошёл в ванную, закрыл дверь на задвижку, включил воду, чтобы не было слышно, сел на край ванны — и заплакал. Первый раз за шесть лет. Последний раз я плакал на её похоронах, и то недолго, потому что рядом стояла Соня и смотрела на меня этими своими глазами.

Я плакал, пока не кончились силы. Потом умылся холодной водой и посмотрел в зеркало.

Не знаю, что это. Галлюцинация, безумие, второй шанс, чья-то шутка. Не знаю и, наверное, никогда не узнаю. Но у меня есть год и месяц. И я знаю, что будет.

Никакой инфаркт, никакая пандемия, никакая чёртова эпоха не заберёт её у меня во второй раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.